

*Посвящается Скотту Швимеру,
замечательному другу*

Глава 1

Галлюцинации начались у Доусона Коула после взрыва на нефтяной платформе, в тот день, когда он должен был погибнуть. А ведь чего он только не навидался за четырнадцать лет работы на буровых вышках! В 1997 году на его глазах потерял управление и взорвался, упав прямо на нефтяную платформу, идущий на посадку вертолет. Страшный огненный шар взметнулся ввысь. Доусон уцелел, только сильно обгорела спина — он получил ожоги второй степени. Четырнадцать человек — в основном пассажиры вертолета — погибли. Потом на платформу рухнул кран, а через четыре года после этого Доусону чуть не снесло голову куском оторвавшейся металлической арматуры размером с баскетбольный мяч. В 2004 году он и еще несколько рабочих, оставшись на нефтяной вышке, попали в ужасающий ураган «Иван», порывы ветра которого достигали более ста миль в час. Невероятной высоты волны реально грозили снести вышку, и Доусон даже подумал, не надеть ли парашют.

Случалось и другое. Всегда существовала опасность поскользнуться и упасть, получить удар какой-нибудь оторвавшейся от оборудования шту-

ковиной, а на порезы и синяки уже никто из членов бригады давно не обращал внимания. То же касается переломов, их Доусон на своем веку повидал множество. Кроме того, он пережил два по-вальных отравления, от которых пострадала вся бригада. А два года назад, в 2007-м, на его глазах начало тонуть только что отчалившее от вышки грузовое судно, которое лишь в последнюю минуту спас оказавшийся неподалеку катер морской приграничной службы.

Но взрыв — другое дело. Хорошо, не произошло утечки масла — приборы безопасности и дублирующие их системы это предотвратили, и сюжет про аварию в новостных выпусках прозвучал неотчетливо, а через несколько дней о нем и вовсе забыли. Однако для свидетелей происшествия, в том числе и Доусона, он превратился в преследующий их ночной кошмар. Поначалу, вплоть до той самой минуты, это было утро как утро. Но когда Доусон стал осматривать насосные установки, один из нефтяных резервуаров вдруг взорвался. Доусон не успел даже понять, что произошло, как его взрывной волной отбросило на соседний ангар. А потом все потонуло в пламени. Покрытая маслом и нефтью платформа тут же превратилась в ад, поглотивший все сооружение полностью. Еще два более мощных взрыва потрясли всю вышку. Доусон помнил, как тащил чьи-то тела прочь от огня, однако четвертый, самый сокрушительный, взрыв подбросил его в воздух второй раз. В голове смутно отпечаталось, как он летел в воду. Все говорило за то, что он должен

погибнуть. Но течением его унесло в Мексиканский залив, на расстояние примерно девяносто миль к югу от залива Вермилион, что в Луизиане.

Ни надеть спасательный жилет, ни достать индивидуальное плавсредство Доусон, конечно же, как и все остальные, не успел. Между волнами, в отдалении, он рассмотрел махавшего ему рукой темноволосого человека — тот словно бы звал Доусона к себе. И вот изможденный, страдающий от головокружения Доусон, преодолевая океанские волны, направился к незнакомцу. Одежда и сапоги тянули вниз, силы были на исходе, и Доусон понял, что его ждет гибель. Казалось, до берега недалеко, но точно сориентироваться ему мешали волны. И вот тогда Доусон увидел поблизости сиротливо дрейфующий среди обломков спасательный круг. Собрав последние силы, он ухватился за него. Позже Доусон узнал, что пробыл в воде почти четыре часа, в течение которых удалился от вышки на целую милю, и только потом его подобрало грузовое судно, поспешившее на место трагедии. Доусона подняли на борт и поместили в трюме, как и остальных выживших. От переохлаждения он пребывал в бессознательном состоянии, его трясло от озноба, но, несмотря на застилавший глаза туман (позже у Доусона обнаружилось сотрясение мозга средней степени), он осознал, как ему повезло: у некоторых из выживших после взрыва руки и плечи обезображивали ужасные ожоги, а у других из ушей текла кровь. Кто-то придерживал сломанную конечность. Почти всех этих людей Доусон знал по именам.

Пространство для передвижений на вышке ограничено. Это, по сути, маленькая деревня среди океана — и каждый рано или поздно оказывался либо в кафетерии, либо в комнате отдыха, либо в спортзале. И только одного из присутствующих, пристально смотревшего на Доусона из противоположного конца помещения, он не мог вспомнить, хотя явно где-то его видел. Одетому в синюю, наверное, позаимствованную на корабле ветровку брюнету можно было дать на вид лет сорок. Казалось, в его облике было что-то странное, неуместное. Он скорее напоминал офисного служащего, чем рабочего. Человек махнул ему рукой, и Доусон вспомнил его — это был тот, кого он недавно видел в воде. Осознав это, Доусон вдруг ощутил приступ тревоги, однако не успел обнаружить причину беспокойства — на плечи ему накинули одеяло и отвели в угол, на медицинский осмотр.

Когда же Доусон вернулся на прежнее место, брюнет исчез. В течение всего следующего часа на борт продолжали поднимать других уцелевших. Постепенно отогреваясь, Доусон гадал, что стало с остальными членами бригады. Людей, с которыми он вместе проработал не один год, рядом не было. Позже он узнает, что двадцать четыре человека погибли. Почти все тела, за небольшим исключением, были найдены. Поправляясь в больнице, Доусон все думал о том, что некоторым семьям не удалось даже попрощаться со своими родными.

После этого взрыва Доусон стал плохо спать — не из-за мучивших его кошмаров, он никак не

мог отделаться от чувства, что за ним наблюдают. Пусть это звучало нелепо, но он ощущал себя... преследуемым объектом. И днем, и ночью он то и дело боковым зрением подмечал какое-то движение, но когда поворачивал голову, ничего подозрительного не обнаруживал. Уж не сходит ли он с ума, спрашивал себя Доусон. По мнению врача, Доусон страдал от посттравматического синдрома. Его мозг еще не оправился после контузии. Подобное объяснение имело под собой основание и звучало вполне логично, вот только Доусона оно не устраивало. Впрочем, он все равно согласно кивал, но выписанное врачом снотворное так и не купил.

Доусону дали шестимесячный отпуск. Колесо закона заработало. Через три недели компания предложила ему еще и денежную компенсацию, и Доусон подписал бумаги. К тому времени к нему уже обратилось полдюжину адвокатов, каждый из которых стремился первым подать коллективный иск, но Доусону эти хлопоты были ни к чему. Получив денежную компенсацию, он в тот же день положил чек в банк. Имея на своем счету достаточно средств, чтобы в глазах некоторых выглядеть богачом, он отправился в свой банк и перевел большую часть денег на Каймановы острова. Оттуда деньги попали на его общий счет в Панаме, открытый когда-то при минимуме документов, а уже оттуда — в место их конечного назначения. Отследить эти деньги, как всегда, было практически невозможно.

Здесь Доусон оставил себе лишь столько, чтобы хватило оплатить жилье, да еще немного на

кое-какие расходы. Ему не нужно было много. Он и не желал многого. Доусон жил в небольшом трейлере, припаркованном в конце грунтовой дороги в пригороде Нового Орлеана, и видевшие это жилище люди, верно, полагали, что главное его преимущество в том, что оно пережило ураган «Катрина» 2005 года. Обитый потрескавшимся, выцветшим пластиковым сайдингом, трейлер стоял на шлакоблоках — временном основании, постепенно ставшим постоянным. Трейлер состоял из спальни, ванной, загроможденной жилой комнаты и кухни, где едва умещался мини-холодильник. Полы от сырости со временем вздулись, и поэтому казалось, что ходишь по наклонной плоскости. В тесной кухоньке, заставленной мебелью, на протяжении лет собираемой по комиссиям и дешевым магазинам, линолеум растрескался по углам, а маленький коврик окончательно облысел. На стенах никаких фотографий. Хоть Доусон и жил здесь уже пятнадцать лет, трейлер воспринимался им не как дом, а скорее место, где он ел, спал и мылся.

Однако старенький трейлер Доусона всегда сиял чистотой, так же как и дома в районе Гарден. Доусон был помешан на чистоте. Дважды в год он замазывал трещины и заделывал швы, чтобы внутрь не проникли грызуны и насекомые, а перед возвращением на нефтяную вышку драил кухню и полы в ванной дезинфицирующим средством, вытряхивая из шкафов все, что могло испортиться или заплесневеть. Обычно он тридцать дней работал и тридцать отдыхал, и все, что

не было герметично запечатано в металлические банки, портилось менее чем за неделю, тем более летом. По возвращении с вышки Доусон снова отмывал дом снизу доверху и как следует проветривал.

Однако при всех недостатках этого жилища здесь было тихо, ничего другого Доусон, в сущности, не желал. Он жил в четверти мили от главной дороги, а ближайший жилой квартал находился еще дальше. После месяца на буровой хотелось лишь тишины. Привыкнуть к постоянному шуму на вышке он так и не смог. К неестественному шуму и лязгу — от кранов, постоянно что-то передвигавших с места на место, от вертолетов, — в общем, к не смолкавшей ни на миг какофонии. Нефтяные вышки качали нефть круглые сутки, ночами лишая Доусона сна. Находясь на вахте, он как-то отключался от этого шума, но по возвращении в трейлер всякий раз поражался почти непроницаемой тишине даже днем, когда солнце стояло высоко в небе. По утрам до него из гущи ветвей доносилось пение птиц, по вечерам, вскоре после захода солнца, он слушал слаженную песню сверчков и лягушек. Обычно эти звуки его успокаивали, правда, иногда напоминали ему о доме, и тогда Доусон закрывался в трейлере, чтобы прогнать воспоминания. Пытаясь отвлечься, он старался сосредоточиться на простых, обыденных вещах, наполнявших его жизнь по возвращении на сушу.

Он ел, спал, бегал, упражнялся с гантелями и чинил машину, на которой время от времени ездил куда глаза глядят. Иногда рыбачил. Каждый

вечер читал, бывало писал письма Таку Хостлетеру. Вот и все. Ни телевизора, ни радио Доусон не держал, правда, имел сотовый телефон, в списке контактов которого содержались лишь рабочие номера. Раз в месяц Доусон запасался основными продуктами и всем необходимым, заезжал в книжный магазин и больше ни по каким делам в Новый Орлеан носа не высовывал. За четырнадцать лет он ни разу не побывал на Бурбон-стрит и не прогулялся по Французскому кварталу, не выпил кофе в «Кафе-дю-Монд» или коктейль «Ураган» в «Лафит-Блэксмит» или «Шоп-Бар». Доусон не посещал спортзал, он тренировался за трейлером под выдавшим виды брезентом, который натянул между домом и соседними деревьями. В кино тоже не ходил и не просиживал в гостях у друга воскресные дни, когда играли «Сэйнтс». В свои сорок два на свидания он в последний раз ходил в подростковом возрасте.

Большинство не пожелало бы или не смогло так жить. Его никто не знал. Никто не знал, кем раньше был Доусон или что он до этого делал, и его это полностью устраивало.

Но как-то в один из теплых дней середины июня Доусону позвонили, и воспоминания нахлынули на него с новой силой. От своего отпуска Доусон использовал почти девять недель, но все равно собрался домой впервые, кажется, за двадцать лет. Предстоящее тревожило его, но делать было нечего. Так был ему больше чем друг — он был ему как отец. Размышляя в тишине о времени длиной в год, ставшим в его жизни перелом-

ным, Доусон снова заметил какое-то движение. Он обернулся и, в очередной раз ничего не увидев, решил, что, вероятно, сходит с ума.

Доусону звонил Морган Тэннер, адвокат из Ориентала, что в Северной Каролине, который и сообщил, что Так Хостлетер умер.

«В некоторых случаях желательнее личное присутствие», — сказал Тэннер.

Первой мыслью Доусона после того, как он отключил телефон, было купить билет на самолет, по прилете снять номер в местной гостинице, позвонить флористу и заказать цветы с доставкой.

Утром, заперев дверь своего жилища, Доусон подошел к жестяному сараю за трейлером, где он держал машину. Был четверг, 18 июня 2009 года. С собой он взял только единственный имевшийся у него костюм да сумку, которую собрал ночью, мучаясь бессонницей. Он отпер сарай, поднял дверь, и машина — за ней он ухаживал еще со школьных времен — заблестела на солнце. Автомобиль представлял собой фастбэк 1969 года выпуска, из тех, на которые с восторгом оборачивались во времена президента Никсона и которыми восхищались и по сей день. Машина выглядела так, будто только что сошла с конвейера, и были люди, которые на протяжении многих лет уговаривали Доусона ее продать.

«Для меня это больше чем машина», — отвечал он, не вдаваясь в подробности. Так сразу бы понял, о чем он.

Бросив сумку с костюмом на пассажирское сиденье, Доусон уселся за руль. Он повернул ключ зажигания, и мотор ожил, громко зарокотав. Аккуратно вырулив на гравийную дорогу, Доусон остановился и выскочил из автомобиля, чтобы запереть сарай, — при этом он мысленно прошелся по списку необходимых дел, проверяя, не забыл ли чего. И уже через две минуты мчался по шоссе, а еще через полчаса парковался на стоянке у новоорлеанского аэропорта. Оставлять здесь машину ему очень не хотелось, но другого варианта не было. С вещами он направился к терминалу, где на стойке его ждал билет.

В аэропорту было людно: шли, держась за руки мужчины и женщины, целые семьи, собирающиеся навестить бабушек и дедушек или побывать в Диснейленде, студенты, направляющиеся либо домой с учебы, либо, наоборот, в учебные заведения, командированные, катящие за собой чемоданы и что-то тараторящие в сотовые телефоны на ходу. Встав в еле ползущую очередь, Доусон, через какое-то время оказавшись у стойки, предъявил документы и, ответив на традиционные вопросы пограничника, получил посадочный талон. Ему предстояла лишь одна пересадка — в Шарлотте, при этом следующий самолет вылетал меньше чем за час. Неплохо. В Нью-Берне он возьмет напрокат машину. Ехать оттуда сорок минут. Если задержек в пути не возникнет, к вечеру он прибудет в Ориентал.

Лишь расположившись на своем месте в самолете, Доусон понял, как устал. Он точно не пом-

нил, когда в конце концов уснул — последний раз, когда он смотрел на часы, было около четырех, — хотя планировал поспать в самолете. Кроме того, сразу по прибытии в город у него не было никаких срочных дел. Доусон был единственным ребенком у своих родителей. Однако его мать сбежала из семьи, когда сыну исполнилось три года, а отец осчастливил мир, окончательно спившись. Долгие годы Доусон не общался с родственниками и сейчас восстанавливать отношения с ними не собирался.

Просто съездит туда по-быстрому, и все. Сделает что надо, но дольше не останется. Хоть он и вырос в Ориентале, всегда чувствовал себя там чужим. Тот Ориентал, который он знал, не имел ничего общего с благостной картинкой из рекламы местного туристического бюро. Большинству приезжих Ориентал представлялся маленьким чудесным городком, пользующимся популярностью у художников и поэтов, а также пенсионеров, желающих одного — провести закат жизни, плавая по реке Ньюс. В городе было все, что требовалось: очаровательный старинный центр с неизбежными антикварными магазинами, художественными галереями и кафе, а еженедельных фестивалей здесь проходило больше, чем это, кажется, возможно в городе с населением менее тысячи человек. Но настоящий Ориентал, тот, который Доусон в детстве и юности знал не понаслышке, был городом, где хозяйничали семьи, предки которых здесь обосновались еще в колониальные времена. Именно таким, как судья Макколл и шериф Хар-